

Михновец Надежда Геннадьевна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
kafrusliterat@yandex.ru

Ф. М. Достоевский и А. Н. Островский в процессе познания народа (1860-е гг.)*

Для цитирования: Михновец Н. Г. Ф. М. Достоевский и А. Н. Островский в процессе познания народа (1860-е гг.). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (3): 460–478. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.303>

В статье рассматривается история становления и развития в 1860-е гг. почвеннических представлений Ф. М. Достоевского в аспекте его пристального внимания к творчеству А. Н. Островского. Ранее исследователями не были соотнесены различные позиции Островского и Достоевского в общем для них процессе познания народной жизни. В статье основной интерес сосредоточен на 1860-х гг., свидетельствующих о динамике изменений в отношении Достоевского к творчеству Островского: от признания непредвзятости в изображении драматургом русского народа до уверенности в непонимании им коренных оснований народной жизни, убеждения в постепенном нарастании обличительных тенденций в ее освещении, начиная с финального решения драмы «Гроза». В работе определены в проблемно-тематическом плане области сближений и расхождений двух писателей, предпринята попытка осмыслить причины этих расхождений. Указывается на общность в представлениях писателей о широкой натуре русского человека, на актуальность для каждого из них вопроса о всемирной миссии русского народа. В последнем случае подчеркивается: Достоевский в отличие от Островского рассматривал этот вопрос в неразрывной связи с проблемой «Россия и Запад» и в перспективе будущего, что в совокупности способствовало зарождению его «русской идеи». В работе сделан вывод: главной точкой расхождения в понимании писателями народной жизни стала, с одной стороны, уверенность Достоевского в монолитном единстве русского народа, опирающегося на православную веру, а с другой, представление Островского, что глубокие кризисные явления середины XIX в. охватывают все слои русского социума без исключения. Представление об особом значении Страшного суда в жизни простонародья определяется как существенное для Островского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Н. Островский, народ, литература, публицистика.

Введение в проблему

В 1850–1860-е гг. как у Островского, так и у Достоевского сложилась своя история народознания. Вклад в осмысление каждой из них внесли островсковеды и достоевсковеды, в частности Л. М. Лотман [Лотман 1961], В. А. Туниманов [Тунима-

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ исследовательского проекта «Феномен русского эпического романа в академической науке XXI века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский» (№ 20-012-00102).

нов 1980], А. П. Власкин [Власкин 1994]. Островский, автор москвитянинских пьес (1852–1855) и драмы «Гроза», относил к народу купечество, в чем был солидарен с критиком Ап. А. Григорьевым. Достоевский в годы сибирской каторги (1850–1853) открыл для себя куда более широкий и разнообразный мир народной жизни. Начало 1860-х гг. — время обобщения Достоевским его личного опыта общения с народом и формирования его почвеннических воззрений. В этом отношении знаменательны создание и публикация в 1860–1862 гг. книги о каторге «Записки из Мертвого дома» и ряда публицистических работ, имеющих программный характер. В те годы важнейшее значение для Достоевского имело знакомство и сотрудничество с Н. Н. Страховым и Ап. Григорьевым (об этом подробнее см.: [Фатеев 2020]). Для Достоевского, в начале 1860 г. вернувшегося после сибирской изоляции к активной литературной деятельности, была чрезвычайно важна и показательна оценка Григорьевым Островского как народного поэта, как писателя, постигающего коренные основы русской жизни. В то время творчество драматурга воспринималось Достоевским как своего рода ориентир в деле постижения особенностей русского народа и изображения его жизни.

В 1860-е гг. Достоевский с повышенным интересом относился к новым произведениям Островского. Драматург, напротив, не был столь внимателен к творчеству своего современника, в диалог с ним он вступил только в 1870-е гг. Вместе с тем причастность этих писателей к эпохе крупных культурных сдвигов, осуществлявшихся в России 1860-х гг., общность интереса к народной жизни и ее непредвзятое изображение («Не так живи, как хочется» Островского, «Записки из Мертвого дома» Достоевского), один круг чтения (статьи Н. А. Добролюбова «Темное царство», «Луч света в темном царстве», Ф. И. Буслаева «Изображение Страшного суда по русскому подлиннику XVII века» и др.) обусловили моменты сближения их позиций.

Однако уже в самом начале 1860-х гг. у Достоевского зарождаются определенные сомнения в глубине познания народной жизни Островским. Во второй половине десятилетия произошла решительная переоценка Достоевским творчества драматурга. К концу 1860-х гг. для него стало очевидным глубокое расхождение с Островским в понимании народной жизни и тенденций ее развития.

Творчество Островского 1850–1860-х гг. заняло особое место и сыграло определенную роль в процессе становления и развития почвеннических идей Достоевского, а также подспудного вызревания «русской идеи». В заочном диалоге с Островским он корректировал свою позицию, ставил вопросы проблемного характера.

Островский и Достоевский, одновременно осмыслившие народную жизнь, в 1850-е и первой половине 1860-х гг. выделялись среди писателей-современников глубиной постижения ее коренных особенностей. Диаметрально противоположные итоги познания народа Островским и Достоевским в конце 1860-х гг. предстают культурным феноменом, который необходимо осмыслить.

Исследователи уже рассматривали и сравнивали взгляды и творчество Достоевского и Островского под разными углами зрения. Главенствующая тенденция в изучении темы состоит в выявлении и интерпретации разноплановых переключек между произведениями писателей. Предметом исследовательского интереса стали связи между ранней повестью Достоевского «Хозяйка» и пьесой Островского «Гроза» [Якубович 1997], романом «Бедные люди» и пьесой «Бедная невеста».

ста» [Осмоловский 1974]. С. А. Кибальник, анализируя историко-литературный контекст «Записок из Мертвого дома» и романа «Игрок» Достоевского, обратился к ряду пьес Островского [Кибальник 2013; 2014]. Н. А. Тарасова рассмотрела в текстологическом аспекте связь между «Кроткой» Достоевского и «Бесприданницей» Островского [Тарасова 2008]. Т. С. Власкина [Власкина 1997: 175–176] и Р. Пис [Пис 1997: 191] одновременно и независимо друг от друга указали на цитату из финала «Грозы» в повести Достоевского «Кроткая». Л. М. Ракитина осветила тему «Островский в оценке Достоевского» [Ракитина 1976]. И. Л. Альми предприняла первую попытку сопоставить творчество двух писателей [Альми 2009; 2012].

Вместе с тем до сих пор нет работ, которые были бы посвящены последовательному соотнесению позиций Островского и Достоевского в общем для них процессе познания народной жизни.

Предметом рассмотрения в предлагаемой статье станет народоведение Достоевского 1860-х гг. в аспекте рецепции творчества Островского и диалога с ним.

Объектом исследования является народоведение Достоевского.

Материал исследования: критическая статья М. М. Достоевского «“Гроза”. Драма в пяти действиях А. Н. Островского», драма и либретто «Гроза» А. Н. Островского, «Зимние заметки о летних впечатлениях», роман «Идиот» (4 гл.) и публицистические статьи Ф. М. Достоевского, театральные рецензии Л. Н. Антропова.

Цель: выявить место и роль рецепции творчества Островского в процессе познания Достоевским коренных основ жизни русского народа и определения масштаба его миссии.

Задачи работы определены ее целью и заключаются в следующем:

- представить основные этапы постижения Достоевским творчества драматурга в аспекте народоведения;
- в хронологическом порядке рассмотреть публицистические, эпистолярные, мемуарные реплики Достоевского и Островского в их заочном диалоге;
- очертить область сближений и расхождений двух писателей в понимании и изображении народной жизни;
- установить причины этих сближений и расхождений;
- уяснить специфику подхода каждого писателя к пониманию народной жизни;
- ввести и проанализировать новый историко-культурный и историко-литературный материал.

Работе присущ историко-литературный подход к изучению народоведения Достоевского и Островского. Метод исследования — сравнительно-исторический.

Статья М. М. Достоевского «“Гроза”. Драма в пяти действиях А. Н. Островского» как исходная в определении основных тем диалога Достоевского с Островским в 1860-е гг.

Г. М. Фридендер высказал убедительное предположение, что Ф. М. Достоевский принял деятельное участие в работе своего родного брата Михаила над статьей «“Гроза”. Драма в пяти действиях А. Н. Островского» (1860) [Фридендер 1971: 408], в дальнейшем исследователи придерживались этой точки зрения. С. А. Ки-

бальник приводит дополнительные аргументы в пользу авторства или частичного участия Достоевского в написании статьи, с полным основанием полагает, что в ней сформулированы важнейшие идеи почвенничества, и совершенно оправданно актуализирует ее значение, поставив перед собой задачу рассмотреть вопрос о влиянии творчества Островского на произведения Достоевского [Кибальник 2013; 2014]. В критической статье о «Грозе» впервые, прямо или опосредованно, выражено представление Достоевского о творчестве современника, воспринимаемого широкой демократической аудиторией народным драматургом.

Почвеннические взгляды писателя формировались в начале 1860-х гг., осмысление и характер изображения известным драматургом народной жизни имели для него принципиальное значение. В 1861 г. в цикле «Ряд статей о русской литературе» Достоевский с иронией заявил:

Мы не упрекаем К. Аксакова, что он не разглядел в Островском следов положительной русской красоты, уже кое-где намеченной во всем его «Темном царстве», что он не подивился на то: как это так рано удалось, так рано случилось, так рано начало высказываться это новое слово... [Достоевский 1972–1990, т. 19: 63]

Он солидаризировался с ранее уже высказанным Ап. Григорьевым мнением о «новом слове», внесенном в русскую литературу Островским: оно состоит в выявлении «положительной русской красоты» в жизни народа.

М. М. Достоевский в критическом обзоре творчества Островского 1850-х гг. особо выделил драму «Не так живи, как хочется», в финале которой герой-гуляка, безоглядно отдавшийся стихии любовной страсти, был готов убить стоявшую на его пути жену, но преступления, тем не менее, не совершил. Герой разом пришел в себя, услышав звон колоколов, возвещавший о начале Великого поста, и раскаялся перед всем Божьим народом.

Такое финальное решение пьесы 1854 г. для самого драматурга и в дальнейшем творчестве оставалось бесспорным. В 1867–1868 гг. он работал над оперным либретто по драме «Не так живи, как хочется», но затем оставил труд, решительно разойдясь с композитором А. Н. Серовым, убежденным в закономерности кровавой развязки. Драматург был твердо уверен, что русский загул убийством не заканчивается. В критике 1850–1860-х гг. вокруг финала пьесы, а затем и оперы «Вражья сила», названной и дописанной без участия драматурга и заканчивающейся убийством, развернулась широкая полемика, современники выражали глубокое сомнение в возможности нравственного преображения главного героя и были уверены в неизбежности убийства. Для Достоевского финал пьесы «Не так живи, как хочется» не утратил своей убедительности от времени знакомства с драмой до работы над романом «Братья Карамазовы», этот финал вошел в контекст сцены нравственного потрясения Дмитрия Карамазова, увидевшего во сне бабу с дитятей и затем добровольно принявшего на себя вину за несовершенно преступление (об этом подробнее см.: [Михновец 2020]).

Островский в свою очередь весьма благосклонно отнесся к «Запискам из Мертвого дома» (1860–1862) Достоевского, сказав, согласно мемуарному свидетельству: «Это совсем особая вещь...» [Новский 1966: 296] Высказывание знаменательно: в этой книге Достоевского определились основы его народознания.

Продолжим рассмотрение критической статьи о «Грозе». Общность между двумя писателями прослеживается и в постановке вопроса о значении народов, русского в частности, во всемирной истории.

Предметом внимания исследователей еще не становился факт введения в историко-культурный контекст пьесы «Гроза» статьи Ф.И. Буслаева «Изображение Страшного суда по русскому подлиннику XVII века», опубликованной в 1857 г. в журнале «Современник» [Буслаев 1857]. Отсылки к этой статье есть и во 2-м действии (рассказ Феклуши о людях с песьими головами), и в 4-м. Для понимания конфликта «Грозы» важно рассуждение историка искусства о древнерусских изображениях Страшного суда, по его мнению, они

...должны были отразить в себе необъятную картину того всемирного средневекового движения, в котором одни народы сменяются другими: и вот они, в своем шествии по временному пути в истории, внезапно останавливаются в этих изображениях Страшного суда, для того, чтобы своим ответом перед Вечным Судьей определить свое вечное, непреходящее значение в судьбах мира [Буслаев 1857: 147].

О текущей современности Буслаев писал: она «...каким-то таинственным движением подняла из глубины времен архаические и одновременно вечные идеи и вопросы о том, каково место народов в Божьем Промысле» [Буслаев 1857: 150].

Значимость этих буслаевских представлений Островский подтвердит в 1867 г., когда вернется к драме «Гроза» и создаст одноименное либретто¹. В новом произведении драматург развернет словесное описание фрагмента стеновой росписи православного храма [Островский 1867: 28–29], и тема Страшного суда займет центральное место в проблемно-тематической системе его нового произведения.

В статье, посвященной «Грозе», братья Достоевские не обратили внимания на элементы экфрасиса Страшного суда, и вряд ли позже Ф.М. Достоевский был знаком с текстом либретто «Гроза». Допустимо предположить, что он мог знать о новом произведении драматурга от А.Н. Майкова, присутствовавшего 29 апреля 1867 г. на заседании Театрально-литературного комитета, решением которого опера «Гроза» была одобрена к представлению [Журналы ТЛК: л. 12–13]. Вместе с тем более значимо, что статья Буслаева была известна Достоевскому, современная венгерская исследовательница А. Дуккон указала на ее актуальность для подготовительных записок к «Бесам» [Дуккон 2016: 52]. Для нас важно, что еще на рубеже 1850–1860-х гг. писатели обратились к вопросу о всемирной миссии русского народа. При этом Островский рассмотрел его скорее в отношении прошлого, а Достоевский в перспективе будущего. Кроме того, Достоевский в отличие от Островского осмыслил его в неразрывной связи с проблемой «Россия и Запад», выдвинувшейся в 1861–1863 гг. в русской общественной жизни на одно из первых мест.

В главе «Вaal» из «Зимних заметок о летних впечатлениях» (1863) Достоевского современный европейский мир оценивался, о чем справедливо написал Д. Паттер-

¹ Либретто «Гроза» (1867) — малоизвестное произведение Островского, после 1867 г. оно не переиздавалось. Произведение практически не изучено, современное монографическое исследование Е.А. Рахманьковой [Рахманькова 2011] отличает музыковедческий подход. Глава, посвященная либретто «Гроза», широко освещает критические отклики, а также свидетельствует о сосредоточенности автора на переключках между двумя «Грозами», по преимуществу фабулярного характера.

сон, не с русской, а с библейской точки зрения [Patterson 1995: 56]. Эту мысль следует продолжить: лондонские сцены, насыщенные ветхозаветной образностью, восходят к весьма отдаленным временам и представляют собой не только и не столько сиюминутную жизнь современной Европы, сколько новый виток в длительной истории европейской жизни. Эти сцены, согласно авторской интенции, выражают дух Запада. Русский путешественник обращает свой взор к России и стоит перед сложной задачей в соизмеримом масштабе уяснить дух ее народа. Так постепенно в творчестве Достоевского закладывались основания «русской идеи».

Драма «Гроза» вызвала у братьев Достоевских живейший интерес, актуализировав отдельные темы и зародив определенные сомнения и смутную настороженность. Именно это произведение определило начало истории расхождений в понимании народной жизни Островским и Ф. М. Достоевским.

М. М. Достоевский точно указал на факт поляризации позиций двух главных героинь: на идеализацию Катериной основ патриархальной жизни и на их предельную формализацию Кабанихой. Представлениям как одной, так и другой героинь, по мнению критика, присуща определенная узость. Важно дальнейшее направление критической мысли: в статью не была введена тема кризиса патриархального общества, но актуализирован вопрос о специфике народного мировосприятия. Религия понимается Катериной, писал критик, «как и всеми нашими простолюдинами, весьма узко и вещественно» [Достоевский 2002: 174], героине, скованной предрассудками и панически боящейся грозы, не доступны «высшие соображения». Самоубийство Катерины противоречит «ее религиозным верованиям», и это, по мнению М. М. Достоевского, обусловлено «существенной» чертой в характере героини: «... по своему в высшей степени живому темпераменту она никак не может ужиться в тесной сфере своих убеждений» [Достоевский 2002: 178].

В статье «Книжность и грамотность» (1861) Ф. М. Достоевский вернется к этим наблюдениям, раскроет и разовьет едва намеченную в статье о «Грозе» мысль, указывая на несоответствие между глубинной сущностью жизни народа и конкретной его жизненной самоосуществления, а также сиюминутной формой выражения идеалов:

Народ почти всегда прав в основном начале своих чувств, желаний и стремлений; но дороги его во многом иногда неверны, ошибочны и, что плачевнее всего, форма идеалов народных часто именно противоречит тому, к чему народ стремится, конечно, моментально противоречит [Достоевский 1972–1990, т. 19: 16].

Писатель будет верен этому представлению и в последующие годы, в 1881 г. он напишет:

Тут повторю весьма старые мои же слова: народ русский в огромном большинстве своем — православен и живет идеей православия в полноте, хотя и не понимает эту идею отчетливо и научно. В *сущности* в народе нашем кроме этой «идеи» и нет никакой, и все из нее одной и исходит, по крайней мере, народ наш так хочет, всем сердцем своим и глубоким убеждением своим. <...> И это несмотря на то, что многое у самого же народа является и выходит до нелепости не из этой идеи, а смрадного, гадкого, преступного, варварского и греховного [Достоевский 1972–1990, т. 27: 18].

В этом контексте очевидно, что с начала 1860-х гг. вопрос об основательности знания народной жизни образованными людьми обрел для Достоевского проблемный характер. Писатель стремился выявить глубинную сущность народа, принимая при этом во внимание внешние проявления его жизни и не преувеличивая их значимость.

Достоевский, в годы каторги чрезвычайно много узнавший о народе, последовательно придерживался представлений о самостоятельности его духовных исканий, о его жизни как постоянно развивающейся. В <Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год> было заявлено: русский народ отшатнулся от Петровской реформы и с тех пор живет «отдельно, своей собственной, особенной и самостоятельной жизнью» [Достоевский 1972–1990, т. 18: 35]. Народ,

разойдясь с реформой... не пал духом. <...> Он шел в темноте, но энергически держался своей особой дороги. Он вдумывался в себя и в свое положение, пробовал создать себе воззрение, свою философию, распадался на таинственные уродливые секты, искал для своей жизни новых исходов, новых форм. <...> А между тем его называли хранителем старых допетровских форм, тупого старообрядства [Достоевский 1972–1990, т. 18: 36].

В <Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1862 год> мысль была продолжена:

Даже во многих явлениях, прямо отнесенных нами к «темному царству», мы проглядели почвенную силу, законы развития, любовь. На все это надо выработать взгляд новый, беспристрастный, подалеевиднее [Достоевский 1972–1990, т. 19:148].

Достоевский не мог не согласиться, что предрассудки, косность и невежество были присущи русскому народу. Однако писатель был уверен, что введя эти явления в круг представлений о «темном царстве», получивших широкое распространение после статей Н. А. Добролюбова «Темное царство» и «Луч света в темном царстве», современники, в том числе и он («мы проглядели»), упустили главное в народной жизни: «почвенную силу, законы развития, любовь». И, следовательно, обошли вниманием православную веру народа как его духовную опору. Ниже пойдет речь об уверенности Достоевского в «смиреннолюбии» русского народа.

В последнем программном заявлении (мы имеем в виду <Объявление о подписке на журнал «Время» на 1862 год>) опосредованно и пока глухо прозвучала нота сомнения Достоевского в глубине понимания Островским народной жизни. Истоки подобной настороженности можно найти уже в критической статье, посвященной драме «Гроза», в которой был выражен глубокий скепсис в отношении предсмертного монолога героини и акта ее самоубийства. **Ключевой** для интерпретации братьями Достоевскими драмы «Гроза» стала постановка проблемного вопроса о целесообразности 5-го действия: оно виделось им не только излишним, но и идущим вразрез с предыдущим.

Для появления подобного рода суждений были полные основания: в драме «Гроза» структура конфликта заключает в себе парадокс. Конфликт между общим и отдельным, народным и личным решается в этой пьесе вариативно: как с разре-

шением в пользу общего (4-е действие), так и с приоритетом отдельного (5-е действие).

Для понимания глубины содержания этого парадокса важно учесть, что характер представления народного в этих действиях различен. Структурой конфликта и его разрешением «Гроза» в 4-м действии повторяет пьесу «Не так живи, как хочется». Вместе с тем в драме 1859 г. появляется новое: народ явлен в ней разномастно. Это и народ середины XIX столетия, собравшийся на городской площади, но это и народ как участник «всемирного» движения народов. Последнее задано в 4-м действии зачином, в который включены элементы экфрасиса Страшного суда.

Учитывая этот контекст, а также процитированные выше размышления Буслаева, можно с уверенностью заключить: в 4-м действии драмы, согласно авторскому замыслу, Катерина, ведомая идеальными представлениями о патриархальном мире, раскаивается перед народом, воспринимая его не в конкретно-историческом, а в его высшем, «всемирном» предназначении. Сцена ее покаяния дана драматургом в предельном масштабе, Катерина кается в совершенном грехе, и ей кажется, что на нее двинулись небеса и величественное событие Страшного суда началось. Конфликт разрешается, утверждая «вечное, непреходящее значение» народа «в судьбах мира».

Однако в 5-м действии драмы народ изображен иначе. Современный калиновский народ занимает вполне определенное место во «всемирной» истории — в нем нет милосердия. С этим народом Катерина не может согласовать свои идеалы, любовь и жизнь. Личностное по отношению к общему становится приоритетным. Более того, оно отпадает от общего, знаменует собою начало разложения патриархальной жизни.

Соотнесение 4-го и 5-го действий в художественном целом произведения **объективно** включает в себе как возможность критического освещения калиновского народа, так и восприятия самоубийства Катерины как проявления бунта. Достоевские, безусловно, не ставили перед собой задачу проанализировать специфику конфликта «Грозы». Однако их столь отчетливо и настойчиво выраженное недоумение в связи с 5-м действием лежит в этой проблемной плоскости: они интуитивно уловили в позиции драматурга нечто противоположное тому, что сами же утверждали в начале своей статьи, говоря о его таланте как «чисто художественном», свободном от тенденции обличения.

Со спецификой конфликта драмы Островского «Гроза» в последующем творчестве Достоевского соотносится факт точечной солидаризации писателя с мнением своего идеологического оппонента Добролюбова. Ф. М. Достоевский высказался в пользу мнения, выраженного в статье «Темное царство»: наряду с задуманным и воплощенным драматургом в его произведениях присутствовал и обличительный элемент. Напомним о ситуации, в которой прозвучало это мнение. Н. Н. Страхов опубликовал брошюру «Бедность нашей литературы» (1868), в которой вернулся к недавнему спору об Островском между критиками:

...нельзя не согласиться с Добролюбовым, что мир драм г-на Островского есть темное царство, царство, изобилующее уродствами быта и речи. Нельзя не согласиться и с тем, что не думал г-н Островский обличать это царство, как полагал Добролюбов, а именно хотел некоторым образом возвести его в перл создания. По выражению

Ап. Григорьева, это был культ изображаемого быта, попытка схватить его живые и поэтические моменты [Страхов 1868: 14].

Откликаясь на эти размышления, Достоевский ответил:

Знаете ли, я убежден, что Добролюбов правее Григорьева в своем взгляде на Островского. Может быть, Островскому и действительно не приходило в ум всей идеи насчет Темного царства, но Добролюбов *подсказал* хорошо и попал на хорошую почву [Достоевский 1972–1990, т. 29, кн. 1: 36].

Тревожная настороженность в отношении самоубийства Катерины, выраженная в критической статье 1860 г., с годами переросла в принципиальное несогласие Достоевского с Островским. Прозаик счел необходимым развернуть свою мысль начала 1860-х гг.: финальной сцене драмы «Гроза» он противопоставил финал повести «Кроткая» (1876). Завершающее действие драмы «Гроза» подводило Достоевского к мысли, с одной стороны, об отсутствии христианского милосердия у калиновцев к Катерине, но, с другой, о противопоставлении главной героиней себя — всем. В логике писателя, самоубийство Кроткой было проявлением узости ее представлений², и это сближало ее с Катериной. Однако при этом оно явилось актом защиты от попытки индивидуалистического самоутверждения закладчика в мире, проявлением жертвенной любви во имя людей, во имя мужа в частности. Последнее отличало героиню Достоевского от Катерины Островского. Самоубийством Катерины драматургом вольно или невольно было выражено, с точки зрения Достоевского, сомнение в отношении патриархального мира в целом. Самоубийство Кроткой, напротив, свидетельствовало о неколебимости нравственных устоев народной жизни.

Если драматург от драмы «Гроза» к одноименному либретто усилил мысль о значении Страшного суда в жизни простонародья, о важности для него чувства страха перед высшим судом, то у Достоевского мысль не стала развиваться в этом направлении. В его видении, нравственный закон изнутри определял народную жизнь, а любовь к ближним была сознательным и глубоким чувством.

Островский тогда же и с готовностью ответил драмой «Бесприданница» (1879) своему оппоненту: умирающая Лариса, прожившая вне света христианских истин, тем не менее спонтанно спасла Карандышева от неминуемого наказания. В какой-то степени ее порыв был созвучен поступку Кроткой: в деянии Ларисы, в отличие от предшественницы, не было самопожертвования, однако проявилась ранее ничем в драме не мотивированная забота о ближнем.

О метасюжете, объединяющем на диалогической основе «Грозу», «Кроткую» и «Бесприданницу», нам уже доводилось писать [Михновец 2013], однако его осмысление еще не завершено. Созвучие поступков Кроткой и Ларисы содержит парадокс: решение первой, в понимании Достоевского, отвечает сущности народной жизни — героиня же Островского была весьма далека от национальных глубин жизни, от ее православных оснований. Отмеченное выше сближение героинь

² В дискуссиях современных достоевсковедов вокруг самоубийства Кроткой, как правило, не учитываются высказывания Достоевского о несоответствии народных идеалов форме их претворения, вследствие чего вопрос о ее грехе неоправданно проблематизируется.

носит локальный и периферийный характер; важно, что в содержательном отношении их поступки разномасштабны. Не случайно рецепция зрителя и читателя «Бесприданницы» не выделяет этот финальный поступок героини как имеющий особую проблемно-тематическую нагрузку.

Усилившаяся от 1860-го к 1876 г. острота реакции Достоевского на событие самоубийства Катерины (напомним, в финал «Кроткой» введена цитата из финала «Грозы») объяснима, если учесть историю постепенного прихода писателя к пониманию русского народа как народа-богоносца. Энергия душевных потребностей, нарастающая в людях времени, в том числе в простонародье, и несущая опасность разъединения, являет собою, по мнению Достоевского, откликнувшегося на финал драмы «Гроза», крайность, не свойственную самой сути жизни православного народа.

Пьеса Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» как переломная в истории понимания Достоевским характера народоведения драматурга

После публикации «Грозы» Достоевский продолжал пристально следить за творчеством драматурга. В 1861 г. писатель, как известно, опубликовал во «Времени» пьесу Островского «За чем пойдешь, то и найдешь», а в 1862 г. сделал все возможное для ее продвижения на петербургскую сцену. В том же журнале увидела свет пьеса «Грех да беда на кого не живет» (1863). В те годы Достоевский, как и Ап. Григорьев, был уверен в преобладающем характере творчества Островского и его особом значении для русской литературы. В статье ««Свисток» и «Русский вестник»» (1861) он вопрошал: «С Пушкина мысль идет, развивается все более и шире. Неужели такое явление, как Островский, ничего для нас не выражает в русском духе и в русской мысли?» [Достоевский 1972–1990, т. 19: 115]

Вместе с тем 1862 год внес существенные коррективы в позицию Достоевского. В начале года в журнале «Современник» была опубликована драматическая хроника «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», которая была очень высоко оценена Ап. Григорьевым: критик поставил Островского рядом с Шекспиром. Своему представлению он остался верен и в дальнейшем.

Достоевский дал диаметрально противоположную оценку этой драматической хронике. Немаловажно учесть факт, относящийся к его редакторской политике: в 1862 г. в журнале «Время» была опубликована статья, в которой говорилось о непонимании Островским «великой» роли земского движения в событиях 1612 г., что и повлекло за собой «ложные мотивы» в его новой пьесе. Один из них, по мнению критика, состоял в том, что драматург, явно сближаясь со славянофилами, преувеличил значение Москвы в деле сплочения народа [Сочинения Аксакова: 87]. Для Достоевского такое суждение было показательным. Значимо, что в том же номере была опубликована и статья «Дворянство и земство», где в противовес мысли о значении дворянства в истории России утверждалось: «Основой Руси исстари было *земство*» [Дворянство и земство: 11]. Согласно этому материалу, Островский проглядел в русской истории XVII в. ее основную движущую силу.

Позднее Достоевский добавил одно суждение к сложившемуся у него представлению об отсутствии у драматурга исторической проницательности. В «При-

мечаниях к статье Д. В. Аверкиева «Значение Островского в нашей литературе»> (1864) он следующим образом определил свою позицию, реагируя на сопоставление «Бориса Годунова» Пушкина с пьесой Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук»:

Пушкин угадал самую основную суть того, что народ наш считал и считает за самую высшую нравственную красоту души человеческой: это — тихое, кроткое, спокойное (непоколебимое) *смиреннолюбие* — если так можно выразиться: что-то младенчески-чистое и ангельское живет в представлении народном о том, что народ считает своим нравственным идеалом. Этою кроткою, смиренною и ничем непоколебимою любовью проникнута у Пушкина русская речь в Годунове. Далеко не так у Островского [Достоевский 1972–1990, т. 20: 229].

Если рассуждать в логике Достоевского, то важнейшая причина расхождения путей познания народа им и Островским — непонимание последним присущего народу смиреннолюбия, лежащего в основе его единства. «Кроткая, смиренная и ничем непоколебимая любовь» виделась Достоевскому как охранительная черта, за пределами которой начинаются процесс разъединения и бунт. И Достоевский усомнился в том, что Островский «выражает в русском духе» нечто сущностное.

Позднее Достоевский дал резкую оценку этого произведения Островского. 26 октября (7 ноября) 1868 г. в письме А. Н. Майкову из Милана о возможных автографах для журнала «Заря» он заявил: «...не платить двух тысяч за гнусную кутью вроде «Минина» или других исторических драм Островского единственно для того, чтоб иметь Островского; а вот если комедию о купцах даст, то заплатить можно» [Достоевский 1972–1990, т. 28, кн. 2: 323].

Однако это высказывание прозвучало в частном письме. В дальнейшем оно не было развернуто Достоевским.

Творчество писателей 1867–1869 гг.: динамика сближений и отталкиваний

Достоевский с интересом отнесся к пьесе Островского «Шутники» (1864), она, с нашей точки зрения, вошла в контекст романа «Преступление и наказание». Вместе с тем наибольший интерес представляет период 1867–1868 гг.: между произведениями Достоевского и Островского этого времени было много разнохарактерных пересечений.

Осенью 1867 г. был опубликован текст либретто Островского «Гроза». В своем новом произведении автор изобразил допетровский патриархальный мир, в котором индивидуальное вполне согласовалось с общенародным. История любви Катерины не только не нарушила духовного единства общества, но и обогатила духовный опыт народа, способствовала его единению на основе христианского милосердия.

Вместе с тем либретто «Гроза» предстает как предыстория одноименной драмы: от либретто к драме разворачивалась история патриархального общества от XVII в. к середине XIX-го с выявлением драматургом причин происходивших перемен (об этом подробнее см.: [Михновец 2019]). В первую очередь автор-либреттист

указал на ослабление связи между властью и народом, на процесс истощения исторической памяти.

Между либретто «Гроза» и романом Достоевского «Идиот» есть одно немаловажное совпадение. Согласно либретто, на стенах разрушенной городской галереи воссоздан эпизод времен татаро-монгольского ига. Молодой Кудряш, проявляя интерес к изображенному, за разъяснениями обращается к Хору и слышит в ответ: «Тут писана татарская орда — Мучители — а это наши князи! Вот, видишь ты: собака некрещеный, Над головою мученика-князя, Татарин, держит меч кривой! Ну, понял?» [Островский 1867: 28]

В центре этой интерпретации стоят тема княжеской власти времен Московской Руси и образ князя-мученика, отдавшего свою жизнь в борьбе с захватчиком-иноверцем. Либреттист напомнил, что древнерусским князьям принадлежала особая роль в деле созидания единого государства. В истории были периоды сближения интересов власти и народа, когда княжество («наши князи») служило народу и вело его за собой. Из либретто следует, что уже в первой половине XVII в. знание о высокой миссии княжества было почти утрачено. Важно подчеркнуть: в либретто образ князя-мученика дан как иконописный. Он предстает высоким и имеет назидательный потенциал для потомков, в сцене выражена надежда, что молодой Кудряш не забудет разъяснений Хора.

Последняя часть романа «Идиот» была опубликована в конце 1868 г. В речи князя Мышкина на светском вечере в салоне Белоконой прозвучала тема служения русского княжества. Герой напоминает слушателям об их предназначении:

Я боюсь за вас, за вас всех и за всех нас вместе. Я ведь сам князь исконный и с князьями сижу. Я, чтобы спасти всех нас, говорю, чтобы не исчезло сословие даром, в потемках, ни о чем не догадавшись, за все бранясь и все проиграв. Зачем исчезать и уступать другим место, когда можно остаться передовыми и старшими? Будем передовыми, так будем и старшими. Станем слугами, чтоб быть старшинами [Достоевский 1972–1990, т. 8: 458].

На грибоедовский контекст этой сцены обратил внимание А. Л. Бем [Бем 2007], с учетом этого же контекста рассматривает ее современная исследовательница А. А. Асанова [Асанова 2015]. Представляется, что романский эпизод предварен отсылками к Чацкому в «Зимних заметках о летних впечатлениях». В логике писателя, Чацкий, воспринявший фамусовскую Москву за **всю** Россию, в полном отчаянии отправляется в финале комедии в Европу, но затем обязательно вернется в свое отечество и найдет применение своим силам. В уже упомянутых <Примечаниях к статье Д. В. Аверкиева «Значение Островского в нашей литературе»> появилось новое в осмыслении литературного героя. Достоевский писал: «...тип Чацкого только и дорог нам тем, что это изображение *русского*, оторванного от народного быта» [Достоевский 1972–1990, т. 20: 229]. Чацкий не перестает быть русским, но от народа он оторван. Перед писателем остро встал вопрос, возможно ли сближение европейски образованного человека с народом.

В контекст салонной сцены романа «Идиот» Чацкий входит как вернувшийся из Европы. Бем пишет о Достоевском:

В Чацком, однако, он подметил одну черту, которая ему была всегда дорога, хотя он ее и осуждал. Черта эта — непригодность к жизни, «фантастичность» характера, полное неумение найти свое место в жизни. <...> ...отсутствие чутья к реальности, действительности, жизнь в мире фантазии и сочиненных образов, непонимание обстановки и людей [Бем 2007: 421, 425].

«Чацкий» эпизод о миссии князей наполнен именно этими смыслами, он определен крепнувшей мыслью Достоевского, что между народом и европейски образованной интеллигенцией пролегал пропасть, преодоление которой вряд ли возможно. Бем заострил внимание в подготовительных материалах к «Бесам» на рассуждении романиста о Чацком: «Народ русский он проглядел, как и все наши передовые люди, и тем более проглядел, чем более он передовой. <...> Об народе русском, об его вере, истории, обычае, значении и громадном его количестве — он думал только как об оброчной статье» [Достоевский 1972–1990, т. 11: 87].

В вопросе о высоком общественном назначении «исконных» русских князей позиции Островского и Достоевского перекликаются только на первый взгляд, однако по существу они расходятся: в романе «Идиот» призывы князя Мышкина к представителям света освещены автором скептически.

Четвертая часть романа «Идиот» была опубликована в ноябре 1868 г., а пьеса Островского «На всякого мудреца довольно простоты» вышла в свет 10 ноября. Островский после пьесы «Доходное место» вернулся в этой комедии к образу Чацкого, именно к нему отсылал последний обличительный монолог Глума. Таким образом, в русской литературе две новые интерпретации Чацкого появились одновременно.

Островский разрабатывал в новой комедии молчалинско-чацкий сюжет, и роман Достоевского «Идиот» сыграл в этом немаловажную роль. Судя по всему, драматург до начала сентября 1868 г., то есть до начала работы над комедией, ознакомился с первыми частями этого романа, которые публиковал в том же году, начиная с январского номера, журнал «Русский вестник». К такому заключению можно прийти, учитывая существующие между произведениями Островского и Достоевского параллели. Например, фабульная: молодой человек появляется в доме дальних родственников, затем перед ним открывается возможность войти в светское общество, отношения любовного характера связывают его с двумя женщинами. Однако интересны другие параллели.

Бем полагал, что грибоедовским Молчалиным заложена возможная перспектива для создания образа «карьериста-мечтателя»: «Не простое угодничество, а мечта утверждения себя через богатство могла лечь в основу его поведения» [Бем 2007: 424]. По мнению исследователя, с этим соотносится начало истории увлечения Гани Иволгина Аглаей. Та же самая перспектива лежит и в основе внедрения Глума в московское общество, а также его намерения жениться на богатой невесте.

Глумов, если соотнести его образ с главным героем романа «Идиот», — первая в русской литературе пародия на князя Мышкина. Дело в том, что Островский повторил, отказавшись от глубокой содержательности образа князя Мышкина, одну из его основных черт: уникальную способность отождествлять свои переживания с переживаниями другого человека, интуитивно подключаться к миру его чувств. При этом драматург вывернул эту способность наизнанку: Глумов обладает редкой

способностью проникать другого человека, говорить его языком, однако пользуется этим в сугубо карьерных целях. В итоге у Островского получился Чацкий молчалинского толка — авантюрист и мошенник. Е. Г. Холодов справедливо заключил, что Глумов прибегает к «лингвистическому маскараду»: «Речь Глумова характеризует образ выражения не только его самого, сколько его собеседников» [Холодов 1975: 153].

В начале января 1869 г. Достоевский ознакомился с рецензией «Театральные заметки» Л. Н. Антропова. Критик писал: «Все лица его комедии задуманы крайне односторонне, не как живые люди, а как представители казнимых безобразий, каждый из них только одной этой стороной и показывается...» [Антропов 1869а: 178–179] В связи с петербургским спектаклем он отметил: «У г. Нильского... выходит что-то среднее между добродетельным Кречинским и измощенничавшимся Чацким» [Антропов 1869а: 178]. В письме к Страхову из Флоренции от 26 февраля (10 марта) 1869 г. Достоевский нашел необходимым отметить: «Очень, очень приятная и точная статья!» [Достоевский 1972–1990, т. 29, кн. 1: 18]

Следующее произведение Островского — комедия «Горячее сердце» (1869) — окончательно утвердило Достоевского в представлении о преобладании сатирического начала в творчестве драматурга. Островский в этой пьесе, по мнению того же Антропова, «довел свои оригиналы и свою манеру изображения до крайности, утрировки, шаржа», явившись «обличительным карикатуристом, давшим вместо живых людей — ходячие безобразия и пороки...» [Антропов 1869б: 184]

С полным основанием можно говорить о существовании трилогии в творчестве Островского 1859–1868 гг.: в ее состав входят две «Грозы» и новая комедия «Горячее сердце», действие которой тоже происходит в городе Калинове. Островский предстает в этой трилогии как историк, который внимательным образом изучает изменение русского народа от начала XVII в. до конца 1860-х гг. Выводы, к которым он приходит, не утешительны: глубочайший кризис пронизывает все сферы современной России. Драматург далек от мысли связать с современным русским народом особую миссию.

После пьес «На всякого мудреца довольно простоты» и «Горячее сердце» интерес Достоевского к Островскому начал угасать, а частные оценки новых пьес драматурга носили негативный характер. В письме к Страхову от 6 (18) апреля 1869 г. Достоевский высказался в пользу «Комедии о российском дворянине Фроле Скобееве» Д. Аверкиева: у этого автора при изображении старорусского быта нет «сатирического ослабления à la Островский». Достоевский заявил:

У Аверкиева не знаю — найдется ли столько блеску в таланте и в фантазии, как у Островского, но изображение и дух этого изображения — безмерно выше. Никакого намерения. Предвзятого. <...> Прежде всего и *главнее* всего слышится, что это *изображение в самом деле*, именно то настоящее, что и было [Достоевский 1972–1990, т. 29, кн. 1: 36].

В восприятии Достоевского Островский из народного драматурга преобразился в сатирика русской жизни. Теперь во взгляде драматурга на купцов писатель увидел только высокомерие: «Островский — щеголь и смотрит безмерно выше своих купцов. Если и выставит купца в человеческом виде, то чуть-чуть не говорит

читателю или зрителю: “Ну что же, ведь и он человек” [Достоевский 1972–1990, т. 29, кн. 1: 36].

В письме А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. Достоевский заявил о своем особом (в отличие от современных «реалистов и критиков») понимании «действительности и реализма»: «Мой идеализм реальнее ихнего... Ну не ничтожен ли Любим Торцов в сущности, — а ведь это все, что только идеального позволил себе их реализм». Если с позиций «ихнего реализма» «сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь», то «мы нашим идеализмом, — продолжает Достоевский, — пророчили даже факты. Случалось» [Достоевский 1972–1990, т. 28, кн. 2: 329].

Показательно, что говоря об «ихнем реализме», Достоевский первыми косвенно назвал Ап. Григорьева и Островского.

По Достоевскому, драматург не смог постичь сущность народной жизни, не прозрел ее силу, движение и любовь («смиреннолюбие») как залог единства. Писатель ограничил время «положительного» познания народа Островским кругом москвитянинских пьес. Начиная с финала драмы «Гроза», согласно Достоевскому, в творчестве Островского постепенно стала набирать силу обличительная тенденция. В 1876 г. Достоевский пришел к выводу, что в «подкладке» у Островского не было положительного идеала, скорее было только движение в его сторону [Достоевский 1972–1990, т. 24: 303, 305].

Антропов сожалел, что Островский не стал «Гомером русской жизни», но при этом не согласился и признать драматурга исключительно обличителем. Критик склонен был увидеть в творчестве драматурга «раздвоение» в процессе постижения народа между положительным и обличительным, и он призывал во взгляде на творчество Островского придерживаться представления о компромиссе этих начал [Антропов 1869б: 186].

Оценка Достоевским творчества Островского была более жесткой. Формирующаяся «русская идея», вера в высокую миссию русского народа мешали Достоевскому увидеть неоднозначность творческого пути драматурга. Скептические выводы Островского-историка, автора трилогии — двух «Гроз» и «Горячего сердца», — окончательно разочаровали Достоевского. Указанные Островским потери, сопровождающие историческое движение России (ослабление связи народа и власти, утрата аристократией своего высокого предназначения), существенно, по мнению Достоевского, не сказались на народной жизни, в существе своем она, будучи верной православию, оставалась монолитной. Эти представления о нерушимом единстве народной жизни обусловили в дальнейшем романном творчестве Достоевского нарастание эпических начал.

Островский конца 1860-х, а также 1870-х гг. вскрывал коренные изменения русской жизни, вступившей в мир буржуазно-капиталистических отношений. Народная жизнь, по его мнению, не могла избежать масштабного кризиса. Драматург осознавал разность, существующую между ним и Достоевским. Только однажды Островский высказался о личности Достоевского и его творчестве, знаменательно, что центром лаконичного суждения было глубокое сомнение в способности Достоевского-художника постичь русскую действительность. С нескрываемым раздражением Островский сказал: «Этот человек никогда не мог сказать правду: ему все *кажется*, а не на самом деле он видит вещи» [Новский 1966: 296].

Расхождение в понимании писателями основ жизни русского народа и масштабов его миссии обусловлено разницей подходов: в творчестве Островского с годами возобладал исторический подход, а у Достоевского — религиозно-философский. В целом русская народная жизнь 1860-х гг. предстает в оптике как Островского, так и Достоевского. Процесс познания народа Достоевским включал в себя внимание к опыту Островского, который до определенного времени был для него продуктивен.

Источники

- Антропов 1869а — Антропов Л. Н. Театральные заметки. *Заря*, 1869, (1): 174–180.
- Антропов 1869б — Антропов Л. Н. Театральные заметки. *Заря*, 1869, (5): 183–193.
- Дворянство и земство — Дворянство и земство. *Время*, 1862, (3): 1–29.
- Сочинения Аксакова — Сочинения К. С. Аксакова. *Время*, 1862, (3): 79–88.
- Буслаев 1857 — Буслаев Ф. И. Изображение Страшного суда по русскому подлиннику XVII века. *Современник*, 1857, (10): 139–156.
- Достоевский 1972–1990 — Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*. В 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990.
- Достоевский 2002 — Достоевский М. М. «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского. В кн.: *Русская трагедия. Пьеса А. Н. Островского «Гроза» в русской критике и литературоведении*. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 162–183.
- Новский 1966 — Новский Л. Воспоминания об А. Н. Островском. В кн.: *А. Н. Островский в воспоминаниях современников*. Ревакин А. И. (подгот. текста, вступ. ст., примеч.). М.: Художественная литература, 1966. С. 285–303.
- Островский 1867 — Островский А. Н. *Гроза. Опера в 4-х действиях (сюжет заимствован из драмы «Гроза»)*. М.: [не указ.], 1867. 51 с.
- Журналы ТЛК — Журналы Театрально-литературного комитета. 1867/1868, 1868/1869 гг. Российский государственный исторический архив. Ф. 497. Оп. 4. Д. 3268.
- Страхов 1868 — Страхов Н. Н. *Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк*. СПб.: В Тип. Н. Неклюдова, 1868. 73 с.

Словари и справочники

- Альми 2012 — Альми И. Л. Достоевский. В кн.: *А. Н. Островский: Энциклопедия*. Овчинина И. А. (ред.). Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во Шуйского гос. пед. ун-та, 2012. С. 146–149.

Литература

- Альми 2009 — Альми И. Л. Достоевский и Островский: Смысл идеологических сопряжений; грани типологической близости. В кн.: Альми И. Л. *Внутренний строй литературного произведения*. СПб.: Скифия, 2009. С. 272–286.
- Асанова 2015 — Асанова А. А. Выявление феномена «русской души» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». В кн.: *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2015, Т. 33: 121–125. <https://e-koncept.ru/2015/95409.htm> (дата обращения: 15.01.2021).
- Бем 2007 — Бем А. Л. «Горе от ума» в творчестве Достоевского. В сб.: *О Достоевском*. Бем А. Л. (ред.). М.: Русский путь, 2007. С. 415–429.
- Власкин 1994 — Власкин А. П. *Творчество Ф. М. Достоевского и народная религиозная культура*. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. пед. ин-та, 1994. 196 с.
- Власкина 1997 — Власкина Т. С. *Диалектика норм и ценностей в художественном мире А. Н. Островского, 1840–1850 гг.* Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 188 с.
- Дуккон 2016 — Дуккон А. Концепт «народ-богоносец» в литературном окружении Достоевского и икона «Страшный Суд» в истолковании Ф. И. Буслаева. В кн.: *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 21. Баршт К. А., Буданова Н. Ф. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 44–55.

- Кибальник 2013 — Кибальник С. А. А. Н. Островский и Ф. М. Достоевский (к вопросу о статье М. Достоевского <?> «Гроза. Драма в пяти действиях А. Н. Островского»). *Известия РАН. Сер. литературы и языка*. 2013, 70 (4): 40–45.
- Кибальник 2014 — Кибальник С. А. А. Н. Островский и Ф. М. Достоевский (Еще раз о статье М. М. Достоевского <?> «Гроза. Драма в пяти действиях А. Н. Островского»). В сб.: *Актуальные вопросы в изучении жизни и творчества А. Н. Островского*. Сб. ст. Щельковские чтения, 2013. Щельково, 2014. С. 151–164.
- Лотман 1961 — Лотман Л. М. *А. Н. Островский и русская драматургия его времени*. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1961. 360 с.
- Михновец 2013 — Михновец Н. Г. «Гроза» — «Кроткая» — «Бесприданница»: история метасюжета и проблема постижения факта действительности. В сб.: *Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения 2012. Ч. II. Литературоведение*. Таборисская Е. М. (ред.). СПб.: Петербургский институт печати, 2013. С. 100–112.
- Михновец 2019 — Михновец Н. Г. Драма и либретто А. Н. Островского «Гроза»: исторический план в изображении патриархального мира. *Вестник Костромского государственного университета*. 2019, 25 (3): 79–83.
- Михновец 2020 — Михновец Н. Г. Эпический разворот сюжета вины от сна Прохарчина к сну Дмитрия Карамазова. *Научный диалог*. 2020, (9): 265–283.
- Осмоловский 1974 — Осмоловский О. Н. О творческих связях А. Н. Островского и Ф. М. Достоевского. В кн.: *А. Н. Островский и русская литература*. Сапогов В. А. (ред.). Кострома: Яросл. пед. ин-т, 1974. С. 18–20.
- Пис 1997 — Пис Р. «Кроткая»: ряд воспоминаний, ведущих к правде. В кн.: *Достоевский: Материалы и исследования*. Т. 14. Буданова Н. Ф., Якубович И. Д. (ред.). СПб.: Наука, 1997. С. 187–195.
- Ракитина 1976 — Ракитина Л. М. Островский в оценке Достоевского. В сб.: *Вопросы русской литературы*. Вып. I (27). Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1976. С. 72–78.
- Рахманькова 2011 — Рахманькова Е. А. *А. Н. Островский — либреттист*. Шуя: Изд-во Шуйского гос. пед. ун-та, 2011. 156 с.
- Тарасова 2008 — Тарасова Н. А. «Кроткая» Ф. М. Достоевского и «Бесприданница» А. Н. Островского в текстологическом аспекте. *Филологические науки*. 2008, (6): 4–13.
- Туниманов 1980 — Туниманов В. А. *Творчество Достоевского, 1854–1862*. Л.: Наука, 1980. 294 с.
- Фатеев 2020 — Фатеев В. А. А было ли «почвенничество»? Полемиические заметки. *Словесность и история*. 2020, (3): 32–62.
- Фридендер 1971 — Фридендер Г. М. У истоков почвенничества (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч»). *Известия РАН. Сер. литературы и языка*. 1971, 3 (5). С. 400–410.
- Холодов 1975 — Холодов Е. Г. *Драматург на все времена*. М.: Всероссийское театральное общество, 1975. 424 с.
- Якубович 1997 — Якубович И. Д. Проблема человеческой свободы в «Хозяйке» Достоевского и «Грозе» Островского (Две Катерины). В кн.: *Достоевский: Материалы и исследования*. Т. 14. Буданова Н. Ф., Якубович И. Д. (ред.). Л.: Наука, 1997. С. 108–116.
- Patterson 1995 — Patterson D. The Collision of Discourse: Dostoevsky's Winter Notes. In: Patterson D. *Exile: The Sense of Alienation in Modern Russian Letters*. Lexington: KY, 1995. P. 19–38.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2021 г.

Статья рекомендована в печать 14 мая 2021 г.

F. M. Dostoevsky and A. N. Ostrovsky in the process of learning about the people (1860s)*

For citation: Mikhnovets N. G. F. M. Dostoevsky and A. N. Ostrovsky in the process of learning about the people (1860s). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (3): 460–478. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.303> (In Russian)

The article examines the history of formation and development of Fyodor Dostoevsky's "soil concepts" in the 1860s in the light of his close attention to the work of Alexander Ostrovsky. Previously, researchers did not correlate the different positions of Ostrovsky and Dostoevsky in the writers' shared process of the cognition of folk life. The main focus of the article is centered on revealing the dynamics of changes in Dostoevsky's attitude towards the work of Ostrovsky: from the recognition of impartiality of the playwright's portrayal of the Russian people to the belief of his misunderstanding of foundations of folk life and the conviction of the gradual increase in accusatory tones in its coverage, starting from the final resolution of the play *Thunderstorm*. The article identifies the areas of synchronicities and disagreements of the two writers from a problem-thematic standpoint. The work concludes that the main point of divergence in the writers' understanding of the Russian people was, on the one hand, Dostoevsky's certainty of the monolithic unity of the Russian people, anchored in the Orthodox faith, and, on the other, Ostrovsky's idea that the fundamental crises of the mid-19th century encompass all strata of Russian society, without any exceptions. The idea of the significance of the Last Judgment in the life of the common people is identified as essential for Ostrovsky.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. N. Ostrovsky, common people, literature, journalism.

References

- Альми 2009 — Al'mi I. L. Dostoevsky and Ostrovsky: The meaning of ideological conjunctions; the facets of typological closeness. In: Al'mi I. L. *Vnutrennii stroi literaturnogo proizvedeniia*. St. Petersburg: Skifia Publ., 2009. P. 272–286. (In Russian)
- Асанова 2015 — Asanova A. A. Revelation of the phenomenon of the "Russian soul" in the novel of F. M. Dostoevsky «Idiot». In: *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Konsept"*. Vol. 33. 2015: 121–125. <https://e-koncept.ru/2015/95409.htm> (accessed: 15.01.2021). (In Russian)
- Бем 2007 — Bem A. L. «Woe from Wit» in Dostoevsky's art. In: *O Dostoevskom*. Bem A. L. (ed.). Moscow: Russkii put' Publ., 2007. P. 415–429. (In Russian)
- Власкин 1994 — Vlaskin A. P. *F. M. Dostoevsky and folk religious culture*. Magnitogorsk: Izdatel'stvo Magnitogorskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta Publ., 1994. 196 p. (In Russian)
- Власкина 1997 — Vlaskina T. S. *Dialectics of norms and values in the artistic world A. N. Ostrovsky, 1840–1850s*. Thesis for PhD in Philological Sciences. Moscow, 1996. 188 p. (In Russian)
- Дуккон 2016 — Dukkon A. The concept of "people-theonotic" in the literary environment of Dostoevsky and the icon «Last Judgment» in the interpretation of F. I. Busayev In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*. Vol. 21. Barsht K. A., Budanova N. F. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2016. P. 44–55. (In Russian)
- Кибальник 2013 — Kibal'nik S. A. A. N. Ostrovsky and F. M. Dostoyevsky (on the question of article M. Dostoyevsky <?> «The Storm. Drama in five acts of A. N. Ostrovsky»). In: *Izvestiia RAN. Ser. literaturny iazyka*. 2013, Vol. 70 (4): 40–45. (In Russian)

* The article was prepared within the framework of a research project supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) "The phenomenon of the Russian epic novel in the academic science of the XXI century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky". Project number 20-012-00102.

- Кибальник 2014 — Kibal'nik S. A. A. N. Ostrovsky and F. M. Dostoyevsky (Once again about the article M. Dostoyevsky <?> «The Storm. Drama in five acts of A. N. Ostrovsky»). In: *Topical issues in the study of the life and work of A. N. Ostrovsky. Sbornik statei. Shchelykovskie chteniia 2013*. Shchelykovo, 2014. P. 151–164. (In Russian)
- Лотман 1961 — Lotman L. M. A. N. Ostrovsky and Russian drama of his time. Moscow; Leningrad: Akademiia nauk SSSR. Leningradskoe otdelenie Publ., 1961. 360 p. (In Russian)
- Михновец 2013 — Mikhnovets N. G. “The Storm” — “A Gentle Creature” — “Without a Dowry”: the history of meta-story and the problem of understanding the fact of reality. In: *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga: Peterburgskie chteniia 2012. Vol. II. Literaturovedenie*. Taborisskaia E. M. (ed.). St. Petersburg, 2013. P. 100–112. (In Russian)
- Михновец 2019 — Mikhnovets N. G. Drama and libretto by A. N. Ostrovsky “The Thunderstorm”: a historical plan in the image of the patriarchal world. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019, 25 (3): 79–83. (In Russian)
- Михновец 2020 — Mikhnovets N. G. The Epic Turn of Guilt From Prokharchin's Dream to Dmitry Karamazov's Sleep. *Nauchnyi dialog*. 2020, (9): 265–283. (In Russian)
- Осмоловский 1974 — Osmolovskii O. N. Creative relations between A. N. Ostrovsky and F. M. Dostoyevsky. In: *A. N. Ostrovskii i russkaia literatura*. Sapogov V. A. (ed.). Kostroma: Iaroslavskii pedagogicheskii institut Publ., 1974. P. 18–20. (In Russian)
- Пис 1997 — Pis R. “A Gentle Creature”: a series of memories leading to the truth. In: *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia. T. 14*. Budanova N. F., Iakubovich I. D. (ed.). St. Petersburg: Nauka Publ., 1997. P. 187–195. (In Russian)
- Ракина 1976 — Rakitina L. M. Ostrovsky in Dostoyevsky's assessment. In: *Voprosy russkoi literatury. Vol. I (27)*. L'vov: izdatel'stvo Lvovskogo universiteta Publ., 1976. P. 72–78. (In Russian)
- Рахманькова 2011 — Rakhman'kova E. A. A. N. Ostrovskii — librettist. Shuia: Shuiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii univertitet Publ., 2011. 156 p. (In Russian)
- Тарасова 2008 — Tarasova N. A. “A Gentle Creature” F. M. Dostoyevsky and Without a Dowry “ A. N. Ostrovsky in the textological aspect. *Filologicheskie nauki*. 2008, (6): 4–13. (In Russian)
- Туниманов 1980 — Tunimanov V. A. *Dostoyevsky's work, 1854–1862*. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 294 p. (In Russian)
- Фатеев 2020 — Fateev V. A. And was there a “pochvennstvo”? Polemic notes. *Literature and history*. 2020 (3): 32–62. (In Russian)
- Фридлиндер 1971 — Fridlender G. M. At the source of soil research (F. M. Dostoyevsky and the magazine “Svetoch”). *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*. 1971, 3 (5). P. 400–410. (In Russian)
- Холодов 1975 — Kholodov E. G. *Playwright for all time*. Moscow: Vserossiiskoe teatral'noe obshchestvo Publ., 1975. 424 p. (In Russian)
- Якубович 1997 — Iakubovich I. D. The problem of human freedom in “The Landlady” Dostoyevsky and “The Storm” Ostrovsky (Two Katerins). In: *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia. Vol. 14*. Budanova N. F., Iakubovich I. D. (ed.). Leningrad: Nauka Publ., 1997. P. 108–116. (In Russian)
- Patterson 1995 — Patterson D. The Collision of Discourse: Dostoyevsky's Winter Notes. In: Patterson D. *Exile: The Sense of Alienation in Modern Russian Letters*. Lexington: KY, 1995. P. 19–38.

Received: March 15, 2021

Accepted: May 14, 2021